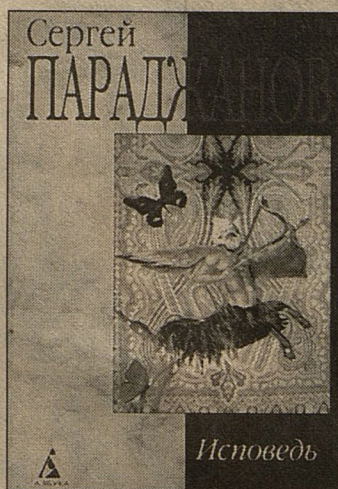

Визионер под обложкой

Сергей Параджанов. "Исповедь", "Азбука", М., 2001 г.

Издатели предположили "Исповеди" аннотацию, которая начинается так: "Настоящая книга – первая попытка издать творческое наследие Сергея Параджанова...". Книга, вобравшая все, что написал мэтр, – подобное издание буквально положено Параджанову по его статусу классика мирового кино. Между тем слова, письменной, да и устной речи кинематограф именно этого режиссера буквально бежал, обходил едва ли не за ненадобностью. Воспитанный в разноплеменной языковой среде, урожденный тбилисец Параджанов снимал фильмы на украинском, армянском, грузинском, писал сценарии на русском... Та же "Исповедь" сопровождается словами великого визионера, вынесенными на обложку: "Я знаю, что моя режиссура охотно растворяется в живописи, и в этом, наверное, ее первая слабость и первая сила... И мне доступно всего та литература, которая по сути своей сама – преображенная живопись...". Да, великий – потому что сам про себя все знал и даже высказал это понимание лучше других.

Дар к преображению действительности, визионерская мощь, поток образов – очень трудно найти "формулу" дарования мастера. Однако стало буквально триумфом следующее утверждение, вполне, впрочем, справедливое: мы знаем кинематограф Параджанова в неких сколках, фрагментах. Его первые работы, созданные в рамках традиционного кинематографического "высказывания" (с сюжетом, традиционной системой персонажей, с традиционными работами актеров), не производили того ошеломляющего впечатления новизны, не давали того нового измерения в режиссуре, что пришло в мир с появлением "Теней забытых предков".

Со временем фильмы Параджанова становились все более совершенными воплощениями его понимания кинематографа. Но мир поражался масштабом его открытий в "Цвете граната", тогда как это была непараджановская монтажная версия "Саят-Новы". Мученическая, отмеченная бесконечными испытаниями судьба режиссера во многом объяснялась тем, что он говорил с миром на своем языке и уже тем самым провоцировал его – мир непонимающих – на неприятие.

Разумеется, книга о Параджанове не могла обойтись без иллюстраций. Но как передать особое качество параджановских коллажей, когда, например, он бил обычные электрические лампы, клеил битое стекло на лист бумаги и называлось все это – "Инфаркт"? Люди, видевшие рукотворные произведения Параджанова – его картины, коллажи, букеты, шляпы, игрушки, украшения, которые кажутся чем-то недостойным галантерейного слова "би-

жутерия" – оставляли трепетные воспоминания о фактурах, способах компоновки, об остроумном, ироничном, нежном, то есть невероятном использовании предметов... Как бы развернулся гений художника, если бы ему дали свободу в кино! Сценарии Параджанова производят похожее по сути впечатление. Как режиссер смог бы осуществить вот такое: "Юноша закричал белым криком...". Или: "Бежали таврические волны... Бежала тополей прохлада...". Причем в этом случае слова "таврические" и "тополей прохлада" были выделены курсивом. Режиссер нашел бы образ, цвет, наполнение кадра, но, увы, никогда мы этого волшебства не увидим.

Книга о Параджанове сделана на стыке двух пластов, то есть на излюбленном приеме кинематографа. Правда, отношения Параджанова с монтажом были так же причудливы, как и со всеми остальными установлениями профессии, но тем не менее. Пласт первый – фантазии, воплощенные в слово, его грезы о Саят-Нове, Пушкине, Лермонтове, Андерсене и о себе самом, ведь "Исповедь" – это сценарий о детстве, заветный замысел, который режиссер мечтал осуществить более всего, хотя и не смог. Пласт второй – письма Параджанова из заключения, адресованные родным и близким, его "реальная" жизнь. В какой-то момент эти два пласта смыкаются. Можно, конечно, считать, что события собственно жизни помешали реализоваться гению Параджанова, его "проекту". Но как гений он перехитрил судьбу: даже самое малое его произведение неизменно дает представление о масштабе личности и дарования. Именно поэтому "Исповедь" – бесценна.

Анастасия БОРИСОВА

Книжка - 2001 - 18-24 окт. - с. 10